

В.И. Павлов

НЕОБХОДИМО ЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БОГОСЛОВСКОГО И ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ ИЛИ О ВОЗМОЖНОСТИ СИНЕРГИЙНО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА

Сегодня мы находимся в весьма интересной и в то же время важнейшей для правоведения ситуации, когда принципиально решается вопрос о стратегии движения всего юридического знания. Речь идет о методологических основаниях правовой науки, которые всегда задают формат и определяют общие контуры развития всех юридических исследований. Несмотря на отсутствие консолидированной позиции относительно необходимости пересмотра методологии юриспруденции, сегодня становится все более очевидным, что познавательный потенциал классической методологии практически исчерпан. Анализ отечественных исследований по проблемам теоретико-методологического характера, а также оценка учебной литературы по таким методологически ориентированным дисциплинам, как общая теория права и государства, социология и философия права, показывает, что по большому счету мы еще используем советские методологические наработки. Последние, каким бы образом они не подвергались внешней модификации, представляют собой отражение нормативно-дисциплинарной парадигмы правового мышления, которая досталась нам в наследство от советско-марксистского дискурса. Можно констатировать, что этот дискурс сегодня парадоксальным образом продолжает длиться (о чем наглядно свидетельствует содержание учебной литературы по правоведению), хотя самих отношений (советской политики, советского государства и права и т.д.), вокруг которых он изначально формировался, уже нет. Просоветские интеллектуально-юридические практики, в той или иной степени воспроизводящие сегодня прежний социокультурный и интеллектуально-волевой фон правового познания, значительно предопределяют уже современную логику исследования и отношения к новой правовой реальности, таким образом, изначально имплицитно задавая ориентиры всего исследовательского поля. Причины такого положения дел заключаются в различных факторах, начиная от поддерживаемого государством определенного типа юридической рациональности до главенства в научном пространстве позиций представителей прежней юридической доктрины.

Такому радикальному заключению об имплицитном советско-марксистском сопровождении современных технологий юридического познания, казалось бы, можно противопоставить факт постсоветской деидеологизации (либерализации) гуманитарного знания, включения с начала 90-х гг. в его состав достижений западной теории и философии права. Однако эти доводы могли бы быть приняты лишь в том случае, если не учитывать состояния и тенденций развития гуманитарного знания на самом Западе, которые однозначно указывают на эпистемологический кризис. Кризис классических оснований новоевропейской рациональности, на которых была построена западная научная доктрина, делает для нас обращение к академической системе западноевропей-

ского юридического знания малопродуктивным. Более того, у советской и западной классической эпистемологии пусть в различных вариациях (материалистическое–идеалистическое, коллективное–индивидуальное и т.д.), однако в некотором смысле доминирует общая познавательная линия, заключающаяся в ориентации на классическую (эссенциальную), формально-нормативную заданность познавательных процессов. В связи с этим, как верно отмечает Воротилина Т.Л., кризис современной юридической науки и юридического мышления является не чем иным, как «порождением центрирующего сознания европейской культуры», а сами классические модели познания в итоге оказались «глубоко отчуждены от реальных процессов функционирования и развития права как реального явления» [1, с. 6]. Такие известные концепты западной мысли XX столетия, как «преодоление метафизики» (М. Хайдеггер) и «смерть субъекта» (М. Фуко) и были направлены против классической логоцентрической методологической линии.

Таким образом, оценивая современное состояние отечественной и всей постсоветской юриспруденции, можно уверенно сказать, что сегодня происходит а) постепенное осмысление необходимости отказа от классической логоцентрической традиции в правоведении (особенно это видно в российской юридической науке [2; 3; 4]) и б) поиск новых пост-/неклассических оснований развития юридического знания в XXI столетии. Повторимся, что, несмотря на слабую акцентуацию этой темы в отечественной юриспруденции, рано или поздно для получения адекватного результата мы будем вынуждены уже не только говорить об этом, но и решать предстоящие проблемы неклассическим путем. Претензия, которая в свое время предъявлялась к западной юридической рациональности М. Хайдеггером, М. Фуко, Р. Бартом, Ж. Делезом, Н. Луманом в настоящее время аналогично может быть предъявлена к отечественному правовому дискурсу в смысле его возможностей отражать реальное состояние дел в правовом пространстве, адекватно описывать причины, стратегии, механизмы происходящих изменений в правовой системе, общую динамику как в поле правовой нормативности, так и в области юридической практики. Полагаем, что ответы на эти вопросы возможны лишь при принципиально ином, отличном от классического взгляде на правовую реальность, который предполагает неклассический познавательный жест – *перенесение познавательного акцента с проблем сущности права и государства, теории правового государства и гражданского общества и т.д. в антрополого-юридическое поле на проблему действующего в правовой реальности человека*, причем понимание этого человека должно выстраиваться в совершенно отличном от классического дискурсе. Речь должна идти не о прежнем картезианско-кантианском «субъекте права», обладающим только атрибутированными ему юридическими качествами и свойствами, статусами и положениями, позволяющими ему вступать в правовые отношения, не о некоей искусственно отдифференцированной нормативной модели человека, зафиксированной в текстах правовых актов (что и составляло классическую модель «субъекта права»), но о действующем в правовом пространстве цельном человеке (в дальнейшем для удобства мы будем использо-

вать термин «*правовой человек*»), человеку как таковом со своей личностной конституцией и идентичностью, целостным правовым взглядом и правовым поступком. Не случайно М. Фуко и иные европейские критики классической эпистемы сосредоточились именно на обосновании концепта «смерть субъекта», имея в виду, конечно, не натуралистическую смерть человека, но его «низвергнутость» с гуманистического пьедестала культуры... с позиций той эпистемы, той социальной и познавательной структуры, в которой он находится и которая принимает именно этот образ человека» [5, с. 23]. Характерно, что в конце XX – начале XXI столетия на фоне происходящих изменений не столько в политике, экономике, культуре и т.д., сколько в области антропологии, при наблюдении за человеком, его сознанием, телом стало очевидно, что наука не понимает и не может описать его же заданного человека, искусственно выстроенного субъекта экономических, политических, культурных, правовых отношений, хотя такой результат был изначально запрограммирован на заре новоевропейской рациональности.

Обращение к проблеме «правового человека» как к центральной методологической проблеме современной юриспруденции не является искусственно рожденной гносеологической вариацией в русле постмодернистской западноевропейской мысли, как могут возразить нам критики. Казалось бы, что может измениться в правовой реальности? Люди как вступали так по-прежнему и вступают в разнообразные правовые отношения (гражданско-правовые, трудовые, жилищные и т.д.), существует государство, устанавливающее и определяющее тип юридической рациональности, функционируют правоохранительные органы, суды и т.д. Однако за всеми этими юридическими обыкновениями скрываются фундаментальные юридические изменения, которые можно разглядеть только под определенным методологическим углом зрения, одним из вариаций которого выступает *дискурсивная методология*. Последняя дает возможность правового познания не через систему отвлеченных логически выстроенных концептов («демократия», «законность», «правопорядок» и др.), а через «социокультурный и интеллектуально-волевой фон, опосредующий правовую и политическую жизнь общества, влияющий на формирование конкретных государственно-правовых институтов и логики развития публично-правовых отношений в обществе» [6, с. 5]. И с этой точки зрения, всматриваясь все в ту же обыденную правовую реальность, своего ответа требуют такие вопросы, как: каково отношение современного человека к политико-правовой реальности; какие изменения произошли в восприятии человеком государства, права, юридической рациональности в конце XX – начале XXI столетия; какое место в смыслодеятельности человека сегодня занимают эти правовые явления; воспринимается ли сегодня право и государство как эталон справедливости либо только как модель «welfare state»; выполняет и должно ли выполнять сегодня право идеологическую функцию; соответствует ли действительности дифференциация политико-правовых режимов на демократические и недемократические (в смысле – нелегитимные) и многие другие. Только теоретические разработки М. Фуко о публичном и скрытом политико-правовом дискурсе, пуб-

личных иллюзиях, симуляциях («демократия», «гражданское общество», «государство благосостояния»), идеологических клише, стратегиях насильственного потребления свободы и т.д. представляют огромный потенциал для адекватного описания и понимания современной правовой реальности. Все эти вопросы, не вмещающиеся в классический юридический дискурс, являются, тем не менее, реальным фактором эффективности правового регулирования общественных отношений и практически все они своим истоком имеют проблему человека.

В связи с этим следует сказать, что сегодня в юриспруденции все чаще предпринимаются попытки разработки неклассически ориентированных методологий, имеющих целью компенсировать недостатки классической модели за счет, в первую очередь, актуализации проблемы человека. Наиболее значительными попытками использования таких схем познания являются герменевтическая теория права А.И. Овчинникова, диалогическая концепция права И.Л. Честнова и феноменолого-коммуникативная теория права А.В. Полякова [см.: 7]. Воздерживаясь от оценки этих концепций, заметим, что исследования указанных ученых действительно вскрыли огромный пласт проблем современной правовой реальности. Большинство оригинальных и продуктивных диссертационных исследований на постсоветском пространстве сегодня выполняются в основном в развитие этих проблем, хотя в то же время в юридическом образовании продвижение данных идей затруднительно.

Поскольку в центр внимания правоведов сегодня все больше и больше помещается именно действующий в правовой реальности человек, постольку в юриспруденции имеет смысл использовать все возможные продуктивные человекомерные дискурсы. Использование в этой связи методологических разработок западных исследователей – коммуникативной, феноменологической, герменевтической и иных теорий – очень продуктивно, прежде всего, с позиции стратегии, средств и способов выражения, понятийно-категориального описания исследуемой реальности. Однако, как нам представляется, *для юриспруденции сегодня существует и иная возможность неклассического обращения к теме «правового человека», а именно посредством апелляции к конститутивному опыту цивилизационно-культурного организма, в лоне которого возникла и доминирующее время формировалась наша правовосударственность.* Речь идет о специфическом опыте – опыте духовного характера в рамках восточно-христианской (православной) традиции, которая в свое время послужила колыбелью зарождения государства и права и выступила духовным проспектом для исторического движения всего цивилизационно-культурного организма. *Главное – это то, что в этой, по существу вненаучной традиции также существует полноценный образ, картина человека и стратегия его бытия, причем человека, действующего не только в церкви, в области обряда (как это, к сожалению, принято считать сегодня), но в мире как таковом, т.е. во всем разнообразии общественных отношений, в том числе и правовых.* Поэтому этот опыт для юридической науки представляет собой колоссальный познавательный ресурс. Другое дело, что он категориально не освоен, не переведен на язык юриспруденции. Как бы там ни было, но вопрос взаимодействия богословского и

юридического дискурсов сегодня представляется весьма актуальным, поскольку, говоря о теме человека, он дает возможность использовать в юридической науке исторически укорененный опыт духовных практик и, что главное, освещать на его основе те аспекты бытия человека, которые ускользали от классической антропологической мысли.

Одна из самых значительных попыток современного научного освоения богословского дискурса представлена *школой синергийной антропологии*, возглавляемой ее основателем профессором *Сергеем Сергеевичем Хоружим* [8; 9]. Смысл исследований данной школы заключается в разработке модели неклассической антропологии на базе опыта реконструкции и научного освоения (на вырабатываемом под эти цели специальном языке) восточно-христианской (православной) практики исихазма как способа действительного конституирования человека с привлечением дискурса современной западной философии. Синергийно-антропологические исследования проводятся в рамках работы Института синергийной антропологии и ряда иных научных институций [10]. Отсылая читателя к указанным источникам синергийно-антропологических исследований, сосредоточимся на интересующей нас проблеме возможности взаимодействия богословского и юридического дискурсов, основываясь на исследовательском потенциале данной школы.

В своих работах С.С. Хоружий отмечает, что сегодня «науки о человеке проходят период кардинальных перемен, вызванных, с одной стороны, резкими изменениями духовной и антропологической ситуации, с другой – кризисом классических оснований научного дискурса, а, в значительной мере, и богословского дискурса, который также в немалой степени использовал фундамент аристотелианского эссенциализма» [11]. Новоевропейская традиция окончательно маргинализовала неаристотелианский богословский дискурс о человеке, который транслировался в недрах восточно-христианской (византийской) богословско-аскетической традиции. На примере проблемы соотношения естественной теологии («познание тварного мира ведет к познанию Творца») и теологии Откровения в западной мысли, С.С. Хоружий показывает, что, уже начиная с псевдо-Дионисия (автор раннесредневекового корпуса «*Corpus Areopagiticum*»), антропология Откровения как подлинная, неэссенциальная речь о человеке вытесняется на периферию и в западной философии, и в западной теологии: «познание Бога в рамках «внешней науки», посредством «естественного разума», «размышлений и силлогизмов», на основе «общих понятий» и т.п. – все более представляется как полноценная и (само)достаточная» установка [11]. Со временем в западноевропейской мысли начинается процесс поиска альтернативных теологической модели человека. Как известно, в конце концов, такая модель была найдена в лице картезианского субъекта, в правоведении представленного И. Кантом в качестве трансцендентально-этического субъекта права.

В восточно-христианской же традиции развитие антропологического дискурса шло иным путем. Если на Западе лейтмотив культуры – «гуманистический пафос широких горизонтов познания, бесконечных возможностей совер-

шенствования человека, *то на Востоке – необходимость постоянной внутренней работы – покаяния, преодоления и изменения ветхого себя в устремлении к соединению со Христом»* [курсив мой – В.П.] [11]. При этом эссенциализация антропологического дискурса на христианском Востоке была отвергнута еще отцами-каппадокийцами, а формирование энергийного антропологического дискурса о человеке было закреплено в XIV столетии в период исихастских споров в богословии свт. Григория Паламы. У свт. Григория, как и у других исихастов, очень часто повторяется простое положение, азбучная истина аскетического сознания: «Истинное знание, единение с Богом и уподобление Ему достигается лишь через соблюдение заповедей», иными словами, в контексте познавательной активности это означает, что **«для «истинного знания» о Боге человек должен меняться сам»** [11].

Данная православная установка является краеугольным камнем типа познания, развивавшегося в восточно-христианском мире и пронизывавшем все области жизнедеятельности. На Западе же она изначально была отброшена и полноценно заменена картезианской метафизикой субъекта, «субъект-объектной парадигмой познания». Как мы уже сказали, сегодня данная парадигма в самой западной философии испытывает тяжелейший кризис, преодоление которого многие западные мыслители связывают с полным отказом от нее. Альтернативой, следовательно, должна выступить такая концепция познания, которая предполагает изменение самого субъекта познания, который, в точном смысле слова, уже субъектом и не является. Такой путь предложил уже упоминавшийся нами М. Фуко в его теории «практик себя» – антропологических практик, в которых человек проявляет заботу о себе в целях целенаправленного преобразования самого себя, всего своего существа. Однако обращение французского философа к восточно-христианской антропологической практике – исихазму – не состоялось. Выстраивание такой методологической линии сегодня и представлено синергийной антропологией.

Какие возможности для юридической науки дает этот путь познания правовой реальности, столь специфичный путь, обращенный к человеку, причем не к привычному субъекту правовых отношений, а к цельному человеку, да еще в контексте его измерения инструментарием неких духовных практик?

Во-первых, богатый духовный опыт наблюдения за человеком и его поведением, который накоплен в духовных практиках и отражен в богословском дискурсе, будет использован на благо правовой науки, прежде всего, при определении стратегии нормативно-правового моделирования и прогнозирования правового поведения, что найдет отражение и в принципиальном изменении методик и критериев правотворческой деятельности, и в повышении эффективности реализации права. Для этого, разумеется, следует отказаться от эссенциального антропологического дискурса как в науке, так и в теологии, что исключит дальнейшую конфронтацию между этими областями знания. С.С. Хоружий, например, так описывает эту возможность: «в парадигме антропологизации, православное богословие выступает как опытный дискурс, с собственной и весьма реальной опытной почвой. Понятно, что для него никаких оснований

принимать защитную позицию по отношению к научным дискурсам, не имеющим касательства к данной почве; а с теми дискурсами, что к этой почве причастны, оно совместно обращается *zur Sachen selbst* – вступает в рабочие, предметные отношения сопоставления методов и выводов. И эти отношения, освобожденные от пресса идеологии, могут быть обоюдно полезны и плодотворны» [11]. Разумеется, к причастным православному богословию человекомерным дискурсам следует отнести и юриспруденцию.

Во-вторых, наряду с иными человекомерными дискурсами (психологией, философией, историей, социологией) правоведение в своей центральной части, вращающейся вокруг правового поведения (это, прежде всего, проблемы реализации права, правовых отношений, правосознания и правовой культуры, правомерного поведения, правонарушения и юридической ответственности, правового регулирования общественных отношений и все другие проблемы за исключением проблем технико-юридического характера) нуждается в указаниях богословия, поскольку «только в богословском дискурсе передаются внутренний контекст, мотивации, цель (телос) опыта и другие необходимые моменты» [11]. Одновременно и богословский дискурс привлекает понятия и методы юридической науки, что, например, наглядно видно из анализа принятых в последние годы Русской Православной Церковью программных документов («Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000 г.), «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» (2008 г.).

В-третьих, и это самое главное, для отечественной правовой мысли обращение к аутентичной восточно-христианской традиции построения и осмысления жизненных стратегий, в пространстве которых отчетливо вычлняются и юридические практики с присутствием в них мощного духовно-практического элемента, что имеет место и в настоящем законодательстве и юридической практике, является не только плодотворным, но и в некотором смысле единственно возможным. Западная мысль сегодня движется в этом же направлении с той лишь разницей, что цивилизационно-культурный опыт Запада позволяет ему увидеть только те особенности, которые были обусловлены процессом зарождения и развития самой западной культуры.

Указанные три положения отражают нашу позицию относительно вопроса о необходимости взаимодействия богословского и юридического дискурсов. Наш ответ на данный вопрос исключительно положительный. Следующий за ним вопрос касается *предложения альтернативной стратегии познания правовой реальности, и мы видим его в обосновании положения о возможности синергийно-антропологической концепции права.*

Как мы уже указали, основные положения неклассического подхода к познанию государственно-правовой действительности должны строиться на отказе от классической юридической речи, что, вероятно, можно пытаться делать различными способами. Однако на наш взгляд наибольшую продуктивность представляет именно неклассический антропологический (синергийно-антропологический) подход, решающий сразу несколько заданий:

1) преодоление кризиса новоевропейской эпистемологии и «субъект-объектной парадигмы» познания правовой реальности;

2) учет и вбирание в синергийно-антропологическую доктрину права потенциала конструктивной критики на платформе западноевропейских концептов «смерть субъекта» и «преодоление метафизики»;

3) вовлечение в новый складывающийся юридический дискурс богословского дискурса за счет вовлечения достижений его собственной антропологии восточно-христианского типа (исихастской антропологии);

4) возвращение, таким образом, на аутентичную (восточно-христианскую) почву собственных мыслительных моделей и практик юридического познания, естественно складывавшихся в нашей государственно-правовой традиции.

В связи с этим следует хотя бы в общих чертах представить *рабочие наброски эпистемологического ядра новой синергийно-антропологической теории права*, которые мы условно разделили на три блока: **А) блок общеметодологический** или синергийно-антропологический, включающий в себя общетеоретические положения синергийной антропологии; **В) блок юридико-антропологический**, представляющий собой приложение положений синергийной антропологии к антрополого-правовой реальности (к «правовому человеку»); **С) блок общеюридический**, включающий в себя производные от второго блока положения и следствия применения юридизированного (т.е. освоенного на юридическом материале) синергийно-антропологического инструментария к иным проблемам правовой реальности (учение о государстве, политической системе общества, нормотворческой технике и т.д.).

В исходном блоке (**А**) должны быть изложены положения о:

■ энергийном образе «правового человека» на основании раскрытия принципа энергийности, в отличие от прежнего классического (аристотелианского) принципа эссенциальности (сущности) субъекта права;

– предельности «правового человека» на основании раскрытия принципа предельности, в соответствии с которым среди всех многочисленных проявлений человеческого бытия (внутренние психические процессы, мысли, речь, деятельность в системе разнообразных социальных практик и т.д.) выделяются именно предельные антропологические проявления, которые отвечают за конституирование человека – именно в данных проявлениях формируется конституция человеческого существа, базовые структуры его личности и идентичности, следовательно, выявляется ключевой фактор правового поведения (как правомерного, так и противоправного);

– личностной конституции и идентичности как действительных базовых структурах формирования человека;

– цивилизационно-культурных связях и обусловленностях этих концептов антропологической практикой определенного рода – духовной практикой в рамках определенного государственно-правового пространства.

Второй блок (**В**) должен описывать положения о:

– методологическом различии энергийного образа «правового человека» и эссенциального «субъекта права». Лейтмотив такого различия заключается в том, что «правовой человек» никогда не является «субъектом права» в собственном смысле, а всегда действует в правовом пространстве исходя из энергийных ресурсов цельной личности, которые в эссенциальном дискурсе не поддаются описанию;

– центрировании энергийного образа «правового человека» в качестве методологического ключа переосмысления узловых проблем правовой реальности. Например, одной из таких проблем, которые придется рассматривать в первую очередь, является проблема правового сознания, которая в классическом дискурсе решалась исключительно эссенциально. Новый подход же рассматривает т.н. «правосознание» не как форму общественного сознания, но как комплексное энергийное образование, полностью фундированное на структурах личностной конституции и идентичности, которые, в свою очередь, определяются типом осуществляемой «практики себя» и обуславливаются направлением движения, осознанного либо неосознанного прорыва человека к определенной области предельных антропологических проявлений;

– взаимосвязи имеющегося сегодня «правового человека» с формой, типом, особенностями процесса личностного конституирования и, соответственно, с доминирующими сегодня типами «практик себя» в рамках той или иной государственно-правовой традиции.

Наконец, третий блок (С) должен раскрывать положения о:

– влиянии способа конституирования «правового человека» (т.е. преобладающего сегодня типа «правового человека» либо их групп в зависимости от различных критериев социального маркирования) на эффективность, стратегию и способы осуществления властно-публичной и правовой деятельности. Здесь будут переосмыслены традиционные проблемы общей теории государства, а именно: возникновения, сущности и реализации государственной власти, механизма, функций, формы государства, его места в политической системе общества с позиций дискурсивной методологии, т.е. не в сущностной жестко структурированной исходной категориальной парадигме, а с позиции реального осуществления государственных стратегий по реализации политической власти (будут переосмыслены диады «правовое/неправовое, демократическое/недемократическое, либерально/тоталитарное государство», «демократический/недемократический режим» и др.). Также будут переработаны классические проблемы общей теории права. В частности, уже упоминавшиеся нами классические концепты в интерпретации М. Фуко («демократия», «гражданское общество» и др.), а также такие классические концепты, как «разделение властей», «приоритет международного права», «верховенство права», «общепризнанные правовые ценности» и др. будут подвергнуты методологической ревизии.

В заключение следует сказать, что юридическое обращение к богословскому дискурсу и привлечение таких сложных и, казалось бы, далеких от классического правоведения пластов знания может показаться простым дилетантст-

вом и очередной инновационной симуляцией. Однако, как показывает направление развития западноевропейской эпистемологии, а также внимательный анализ становления цивилизационно-культурных организмов Запада и Востока, сегодня как раз имеет смысл обратиться к аутентичной духовной традиции как комплексной «практике себя», конституирующей не только персонально-антропологический уровень реальности, но и весь цивилизационно-культурный фон, в том числе и его государственно-правовую область. 90-е гг. XX столетия, насыщенные попытками использования западноевропейского опыта в чистом виде, а также последующее за этим повсеместное обращение к своему духовному наследию однозначно доказывает едва ли не единственную верность такого пути. По крайней мере, в такой попытке мы делаем шаг навстречу понимания современного человека и всего спектра его жизнедеятельности, в том числе в области права и государства.

Список литературы:

1. Воротилина, Т.Л. Постнеклассические тенденции в западной и российской традициях правопонимания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т.Л. Воротилина ; Нижегород. гос. ун-т. – Нижний Новгород, 2002. – 24 с. – С. 6.
2. Козлихин И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Изв. вузов. Правоведение. – 2006. – №1. – С. 31–40.
3. Честнов, И.Л. Субъект права: от классической к постклассической парадигме // Изв. вузов. Правоведение. – 2009. – №3. – С. 22–30.
4. Овчинников, А.И. Правовое мышление : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.01 / А.И. Овчинников ; Рост. юрид. ин-т МВД РФ. – Краснодар, 2004. – 48 с.
5. Автономова Н.С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» / Н.С. Автономова // Слова и вещи: археология гуманитарных наук / Пер с франц. В.П. Визгин, Н.С. Автономова. – СПб.: А-сacд, 1994. – С. 7–27.
6. Доровских, В.И. Государственно-правовые взгляды Мишеля Фуко : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. И. Доровских ; Рост. юрид. ин-т МВД РФ. – Ростов-на-Дону, 2009. – 27 с.
7. Козлихин И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Изв. вузов. Правоведение. – 2006. – №1. – С. 31–40.
8. Хоружий, С.С. Очерки синергийной антропологии / С.С. Хоружий. – М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 408 с.
9. Мельников, Д.А. Синергийная антропология как современная интерпретация исихазма : автореф. дисс. ...канд. филос. наук 09.00.13 / Южный федер. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2009. – 30 с.
10. Официальный сайт Института синергийной антропологии // Институт синергийной антропологии [Электронный ресурс]. –2009. – Режим доступа : <http://synergia-isa.ru>. – Дата доступа : 27.04.2010.
11. Хоружий, С.С. Естественная теология в свете исихастского боговидения / С.С. Хоружий // Институт синергийной антропологии [Электронный ресурс]. –2009. – Режим доступа : http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#Н. – Дата доступа : 27.04.2010.